Григорий Григорьевич РЫЛКИН

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ РЕСУРС ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ: МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРКАХ «РОССИЯ — МОЯ ИСТОРИЯ»

В статье рассматривается региональный компонент сети исторических парков «Россия – Моя история» как дискурсивный ресурс территориального позиционирования. На материале описаний экспозиций девяти парков и сопровождающих их публикаций выделены четыре модели включения локального прошлого в общероссийский нарратив и пять тематических доминант, а также описана конфигурация участников, от которой зависит выбор модели.

Ключевые слова: *медиадискурс, историческая память, территориальная идентичность, региональная репрезентация, исторические парки.*

Grigory G. RYLKIN

REGIONAL COMPONENT AS A DISCURSIVE RESOURCE OF TERRITORIAL POSITIONING: MODELS OF LOCAL HISTORY REPRESENTATION IN “THE RUSSIA IS MY HISTORY” HISTORICAL PARKS

The article examines the regional component of the Russia is My History historical parks network as a discursive resource of territorial positioning. Drawing on exposition descriptions from nine parks and accompanying media coverage, we identify four models of incorporating the local past into the all-Russian narrative and five thematic dominants, and describe the configuration of stakeholders that shapes the choice of model.

Key words: *media discourse, historical memory, territorial identity, regional representation, historical parks.*

Сеть мультимедийных исторических парков «Россия – Моя история» представляет собой самый крупный экспозиционный комплекс страны и охватывает двадцать шесть городов по данным головного сайта проекта[1]. Основной корпус выставок на всех площадках совпадает: четыре хронологических блока, посвященных Рюриковичам, Романовым, первой половине XX века и послевоенному периоду, воспроизводятся в каждом парке по единому образцу. Региональное содержание добавляется к этому корпусу отдельно, и способы такого добавления заметно различаются на разных площадках. Именно эта вариативность составляет предмет нашего интереса.

Исследовательская литература описывала проект преимущественно по вертикали, через отношения федерального центра, церкви и военно-исторического общества. В. П. Казьмина на материале реконструкции московского павильона показала, что перемены в экспозициях отражают механизмы взаимодействия институционального и символического уровней исторической политики [Казьмина 2020b: 143]. Она же предложила различать «внутреннюю» логику организации маршрута посетителя и «внешнюю» логику идеологического вмешательства, которая проявляется в символических доминантах и выделенных под них залах [Казьмина 2020b: 146]. В другой своей работе исследовательница рассматривает парки в качестве отражения трансформаций институционального измерения российской политики памяти [Казьмина 2020a: 248]. Горизонтальная ось проекта, то есть отношения между федеральным ядром экспозиции и ее региональными добавлениями, остается при таком подходе на периферии внимания.

Объектом нашего исследования выступает дискурс региональной составляющей сети исторических парков, зафиксированный в официальных описаниях экспозиций и в сопровождающих их публикациях. Предметом являются модели включения локального прошлого в общероссийский нарратив. Исследовательский вопрос состоит в том, чем объясняется разнообразие этих моделей при единой концепции проекта и типовом наборе основных выставок.

Рабочая гипотеза заключается в следующем. Форма включения регионального содержания связана с тем, допускает ли локальное прошлое представление в качестве самостоятельного исторического субъекта. Территории, обладающие опытом собственной государственности и выраженным этнокультурным своеобразием, получают отдельную экспозицию с собственным названием. Территории, чья история осмысляется как участие в общем движении государства, получают распределенные вставки внутри типовых залов.

Для исследователя медиа этот материал ценен двумя своими свойствами. С одной стороны, парк работает как мультимедийная институция, где сообщение о прошлом собирается средствами экрана, проекции, лайтбокса и сенсорной панели, и тип носителя участвует в формировании самого сообщения. С другой стороны, парк присутствует в публичном пространстве через собственный сайт и через региональную прессу, то есть производит о себе связный медиатекст, доступный анализу.

Материалом послужили официальные описания экспозиций на сайтах девяти парков сети, публикации региональных и федеральных изданий об их открытии и текущей работе, а также сообщения учредителей, партнеров и профильных ведомств. Выборка построена по принципу максимального контраста и включает Махачкалу, Казань, Санкт-Петербург, Новосибирск, Владивосток, Южно-Сахалинск, Челябинск, Волгоград и Ставрополь. В нее вошли республики, края и области, приграничные и внутренние территории, площадки с отдельной региональной экспозицией и площадки без нее.

Мы применяем качественный контент-анализ с элементами дискурсивного анализа. Кодировочная сетка включает пять параметров: форму включения регионального содержания, тематическую доминанту, тип символического ресурса, на который опирается репрезентация, материальный носитель этого содержания и субъекта высказывания, то есть инстанцию, которая в публичном тексте выступает автором локального нарратива.

Аналитическую рамку мы заимствуем у Казьминой и переносим ее с федерального уровня на региональный [Казьмина 2020b: 145–146]. Она соединяет понятие исторического нарратива Хейдена Уайта, для которого центральным предметом становится способ конструирования сообщения о прошлом [Уайт 2002], положение Маршалла Маклюэна о влиянии типа медиума на передаваемое сообщение [Маклюэн 2007] и различение кодирования и декодирования, введенное Стюартом Холлом [Hall 1973]. Последнее различение задает границу нашего анализа: мы работаем со стороной кодирования и оставляем вопрос о зрительском декодировании за пределами статьи. Категорию территориальной идентичности мы используем в том понимании, которое сложилось в исследованиях символической политики, где прошлое выступает ресурсом легитимации современных притязаний [Малинова 2015], а отдельные места и институции удерживают память сообщества в материальной форме [Нора 1999]. Работа Алейды Ассман о мемориальной культуре и исторической политике позволяет увидеть в региональных залах инструмент институционального закрепления локального опыта [Ассман 2014].

Первую модель мы называем именной экспозицией. Наиболее развернутый ее случай представлен в Махачкале, где работает постоянная мультимедийная выставка «Мой Дагестан». Экспозиция поделена на десять тематических зон[2]. Три из них отведены природе республики, древним культурам и собственно ее истории, еще три

описывают народы и традиции, религию и ремесленное дело, оставшиеся посвящены литературе и сценическим искусствам, воинской и спортивной славе, а также сегодняшнему Дагестану. Зал наполнен макетами горных селений, моделью крепости Нарын-Кала, натуральными предметами и интерактивной панелью с трехмерной визуализацией[2].

Внутренняя организация этого зала заслуживает внимания. Собственно история занимает в нем одну зону из десяти, тогда как остальные посвящены природе, вере, ремеслу, поэзии, спорту и современному состоянию республики. Регион описан как культурная целостность, а хронологическое измерение занимает подчиненное положение. Формула, вынесенная в описание выставки, приглашает познакомиться с регионом, не покидая его столицы[2], что сближает эту экспозицию с жанром территориальной презентации.

Казанский случай устроен иначе. Постоянная экспозиция «Страницы истории Татарстана» проводит посетителя через сменявшие друг друга государственные образования средней Волги, булгарские и ордынские, далее через Казанское ханство, положение края в составе империи и советский период республики[3]. Логика здесь хронологическая и симметричная федеральной: региональная история получает такую же последовательность эпох, какую имеет история страны. При этом казанская площадка совмещает две модели, поскольку, по свидетельству региональной прессы, каждый зал основных выставок дополнен местным мультимедийным стендом[4].

Петербургская площадка добавляет к типовым выставкам региональную экспозицию об истории города и проект «Мой Петербург», причем содержание регионального блока включает строительство первого вокзала, разводные мосты и белые ночи[5]. Основанием для отдельной экспозиции служат здесь столичный статус и узнаваемый туристический образ. В Новосибирске самостоятельная постоянная экспозиция посвящена военной истории Сибири и охватывает разные эпохи вплоть до современности[6].

Вторую модель составляют распределенные вставки. Владивостокский парк открылся в декабре 2020 года и стал двадцать третьим в сети, его экспозиция занимает около семи тысяч квадратных метров. Каждая из четырех основных выставок включает региональную составляющую, отражающую события и факты из истории Приморья, имеющие значение для всей страны[7]. Последняя оговорка задает способ

легитимации: локальное входит в нарратив постольку, поскольку обладает общероссийской значимостью.

Южно-сахалинская площадка устроена сходным образом. Региональный контент занимает в ней отдельное место внутри общей экспозиции и создан при участии краеведов и ведущих научных сотрудников Сахалинской области[8]. Субъектом высказывания здесь выступает местное экспертное сообщество, тогда как позиция этого высказывания в маршруте посетителя определена федеральной схемой.

Челябинский парк открылся в сентябре 2019 года, занял три этажа общей площадью около семи тысяч квадратных метров и стал двадцатым региональным в сети. Его региональная составляющая объединяет городище бронзового века Аркаим, демидовские заводы XVIII и XIX веков, а также биографии челябинских ученых, медиков, физиков-ядерщиков и первых директоров предприятий[9]. Набор показателен: древность, промышленное освоение и научно-технический вклад образуют связный сюжет о территории, участвующей в общем деле.

Третью модель мы называем событийным слоем. Волгоградский парк ко дню рождения города показал мультимедийную выставку «Волгоградский край: путешествия, открытия, детали», представившую регион глазами самих жителей[10]. Владивостокская площадка в мае 2026 года открыла выставку «Взгляд на Восток», приуроченную к 135-летию восточного путешествия цесаревича Николая Александровича, с акцентом на повороте страны к Тихому океану[11]. Южно-сахалинский парк показал выставку «Сахалинские традиции. Нам есть чем гордиться», которую посетили более девяноста четырех тысяч человек[12].

Событийный слой обладает свойством, отсутствующим у двух первых моделей. Он подвижен, привязан к календарю и допускает быстрое обновление, а потому берет на себя ту часть региональной репрезентации, которую типовая экспозиция удержать не может.

Четвертый режим обнаруживается в движении регионального содержания в обратную сторону. Выставка «Сталинград – история Победы», подготовленная музеем-заповедником «Сталинградская битва», открылась в двадцати трех парках сети, а в ряде городов ее сопровождали кинопоказы документальных фильмов о сражении на Волге[13]. Локальный сюжет здесь перестает быть региональной вставкой и становится федеральным содержанием, которое сеть распространяет по всем своим площадкам.

Сопоставление девяти случаев позволяет выделить несколько тематических доминант. Этнокультурная и конфессиональная доминанта работает в Махачкале, Казани и Ставрополе, где региональный компонент рассказывает об истории и культуре народов Северного Кавказа и Ставрополья[14]. Военно-мемориальная доминанта определяет новосибирскую и волгоградскую площадки. Фронтирная и геополитическая доминанта характерна для Владивостока и Южно-Сахалинска, где сюжетом становится освоение окраины и ее роль в отношениях страны с тихоокеанским миром. Археолого-индустриальная доминанта заметна в Челябинске. Городская и столичная доминанта выделяет Петербург.

Сводная кодировка девяти случаев по трем из пяти параметров представлена в таблице 1, оставшиеся два параметра мы разбираем далее.

Таблица 1. Кодировка региональной составляющей девяти исторических парков

Парк	**Форма включения**	**Тематическая доминанта**	**Символический ресурс**
Махачкала	именная экспозиция	этнокультурная	многообразие народов республики
Казань	именная экспозиция и вставки	этнокультурная	опыт собственной государственности
Санкт-Петербург	именная экспозиция	городская	столичный статус
Новосибирск	именная экспозиция	военно-мемориальная	военная история макрорегиона
Владивосток	вставки, событийный слой	фронтирная	геополитическое положение
Южно-Сахалинск	вставки, событийный слой	фронтирная	освоение островной окраины
Челябинск	вставки	археолого-индустриальная	древний памятник и промышленность
Волгоград	событийный слой, тиражирование	военно-мемориальная	событие федерального канона
Ставрополь	вставки	этнокультурная	культура народов Северного Кавказа

Материальный носитель регионального содержания заслуживает отдельного замечания. Основные выставки сети построены на экранах, проекциях и лайтбоксах, тогда как в Махачкале к ним добавлены макеты и натуральные экспонаты[2]. Присутствие вещи меняет режим восприятия: региональный зал получает музейную плотность, которой типовая экспозиция лишена. Замечание Маклюэна о влиянии носителя

на сообщение получает здесь наглядное подтверждение, поскольку одно и то же намерение показать своеобразие территории реализуется по-разному в зависимости от того, располагает ли площадка предметом.

Различается и субъект высказывания. В Южно-Сахалинске авторство регионального контента закреплено за краеведами и научными сотрудниками области[8], в Волгограде выставка о Сталинградской битве подготовлена профильным музеем-заповедником[13], в Казани региональная экспозиция опирается на музейные и архивные фонды[3]. Региональный компонент оказывается точкой, в которой федеральная сеть соединяется с местной научной и музейной инфраструктурой.

Региональная составляющая возникает в точке согласования интересов нескольких участников, и эта сторона дела заслуживает отдельного описания. Федеральный оператор задает типовую структуру выставок, региональная администрация обеспечивает площадку и режим доступа, крупные компании выступают донорами строительства, местные музеи и краеведы поставляют содержание. Ставропольский комплекс сделал посещение бесплатным для всех категорий граждан, а отзыв главы края размещен на сайте парка в качестве рекомендации[14]. В Твери экскурсионно-образовательный проект для восьмиклассников реализуется по инициативе губернатора области[15]. Южно-сахалинская площадка построена при участии газовой компании[8]. Региональная экспозиция оказывается в таком положении предметом переговоров: она предъявляет территорию федеральной аудитории и одновременно служит отчетным результатом для региональной администрации, что объясняет заинтересованность властей в отдельном зале с узнаваемым названием.

Наблюдаемая картина меняется под действием институционального сдвига. Передача исторических парков в ведение образовательных учреждений отмечена министром просвещения как решение, увеличившее долю школьников среди посетителей[12]. Смена адресата затрагивает и региональную часть, поскольку локальный материал приобретает функцию учебного содержания, привязанного к месту проживания школьника.

Проведенный анализ позволяет описать четыре модели включения локального прошлого в экспозиции сети. Первая модель представляет собой отдельную именную экспозицию с собственным названием и собственной внутренней структурой. Вторая состоит в распределении региональных вставок по типовым хронологическим

залам. Третья реализуется через временные выставки, привязанные к местным датам и поводам. Четвертая обнаруживается в тиражировании регионального содержания по всей сети.

Исходная гипотеза подтверждается частично. Отдельную экспозицию действительно получают территории с опытом собственной государственности и выраженным этнокультурным своеобразием, что видно на примере Дагестана и Татарстана. Петербургский и новосибирский случаи требуют уточнения, поскольку основанием для отдельной экспозиции служат там столичный статус города и военно-мемориальный сюжет макрорегиона. Точнее будет сказать, что отдельный зал возникает тогда, когда локальное прошлое поддается описанию в качестве самостоятельной целостности, безразлично, задана ли эта целостность этносом, городом или макрорегионом.

Полученная типология уточняет представление о проекте. Региональный компонент выполняет функцию дискурсивного ресурса, посредством которого территория предъявляет себя внутри общероссийского нарратива и получает в нем различимое место. Способ предъявления зависит от того, каким символическим капиталом территория располагает и в какой мере этот капитал уже включен в федеральный канон. Выбор формы определяется вдобавок конфигурацией участников, поскольку отдельный зал требует согласия федерального оператора, ресурсов региональной администрации и готовности местных музеев поделиться фондами.

Границы исследования очевидны. Мы работаем с самопрезентацией институции и с ее медийным сопровождением, не привлекая наблюдение в залах и данные о зрительском восприятии. Различение кодирования и декодирования [Hall 1973] предполагает возможное расхождение между заявленным и воспринятым содержанием, и проверка этого расхождения составляет естественное продолжение работы. Сопоставление официальных описаний с корпусом посетительских отзывов представляется нам следующим шагом.

Примечания:

1. Информация о парке // Исторический парк «Россия – Моя история». URL: https://myhistorypark.ru/about/info/ (дата обращения: 09.09.2026). Сайты отдельных парков сети приводят несколько отличающиеся данные о числе площадок, здесь и далее мы опираемся на головной сайт проекта.

2. Мой Дагестан // Исторический парк «Россия – Моя история» в Махачкале. URL: https://makhachkala.myhistorypark.ru/expositions/moj-dagestan/ (дата обращения: 09.09.2026).
3. Страницы истории Татарстана // Исторический парк «Россия – Моя история» в Казани. URL: https://kazan.myhistorypark.ru/expositions/straniczyi-istorii-tatarstana/ (дата обращения: 09.09.2026).
4. Тихон (Шевкунов): «Наша страна стала наследником империи Чингизидов» // Бизнес Online. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/362100 (дата обращения: 09.09.2026).
5. Исторический парк «Россия — моя история» г. Санкт-Петербурга // Культура.РФ. URL: https://www.culture.ru/institutes/35757/istoricheskii-park-rossiya-moya-istoriya-g-sankt-peterburga (дата обращения: 09.09.2026).
6. Исторический мультимедийный парк «Россия – Моя история» в Новосибирске. URL: https://novosibirsk.myhistorypark.ru/ (дата обращения: 09.09.2026); Исторический парк «Россия — моя история» // Музеи России. URL: https://visitmuseums.ru/museum-81a3dba8-bf9a-468e-8c8e-f2daddd36494.html (дата обращения: 09.09.2026).
7. Исторический парк «Россия – моя история» открылся во Владивостоке // Вести: Приморье. 2020. 26 декабря. URL: https://vestiprim.ru/news/ptrnews/101819-istoricheskij-park-rossija-moja-istorija-otkrylsja-vo-vladivostoke.html (дата обращения: 09.09.2026); Исторический парк «Россия — моя история», г. Владивосток // Инфоматика. URL: https://infomatika.ru/projects/for-cultural-institutions/istoricheskiy-park-rossiya-moya-istoriya-g-vladivostok/ (дата обращения: 09.09.2026).
8. В Южно-Сахалинске открылся мультимедийный исторический парк «Россия — моя история» // ПАО «Газпром». 2017. 8 ноября. URL: https://www.gazprom.ru/about/subsidiaries/news/2017/november/article378526/ (дата обращения: 09.09.2026).
9. В Челябинске открылся парк «Россия — моя история» // Российская газета. 2019. 4 сентября. URL: https://rg.ru/2019/09/04/v-cheliabinske-otkrylsia-park-rossiia-moia-istoriia.html (дата обращения: 09.09.2026); Исторический парк «Россия — Моя история» в Челябинске // Rus.Team. URL: https://rus.team/landmarks/istoricheskij-park-rossiya-moya-istoriya-v-chelyabinske (дата обращения: 09.09.2026).
10. Проекты // Исторический парк «Россия – Моя история» в Волгограде. URL: https://volgograd.myhistorypark.ru/about/projects/ (дата обращения: 09.09.2026).
11. Мультимедийную выставку о путешествии цесаревича Николая II открыли во Владивостоке // PrimaMedia. 2026. 28 мая. URL: https://primamedia.ru/news/2507587/ (дата обращения: 09.09.2026).
12. Южно-Сахалинск поделился опытом исторического просвещения на Всероссийском совещании в Севастополе // Sakh.online. 2026. 19 мая. URL: https://sakh.online/news/18/2026-05-19/yuzhno-sahalinsk-podelilsya-opytom-istoricheskogo-prosvescheniya-na-vserossiyskom-soveschanii-v-sevastopole-513517 (дата обращения: 09.09.2026).

13. В исторических парках России пройдут выставки о битве в Сталинграде // News.ru. 2023. 31 января. URL: https://news.ru/society/v-istoricheskih-parkah-rossii-projdut-vystavki-o-bitve-v-stalingrade/ (дата обращения: 09.09.2026).
14. Информация о парке // Исторический парк «Россия – Моя история» в Ставрополе. URL: https://stavropol.myhistorypark.ru/about/info/ (дата обращения: 09.09.2026).
15. Исторический мультимедийный парк «Россия – Моя история» в Твери. URL: https://tver.myhistorypark.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

Список литературы:

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Казьмина В. Исторические парки «Россия – моя история» как отражение трансформаций институционального измерения российской политики памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 248–270.

Казьмина В.П. Реконструкция исторического парка «Россия – моя история»: смена вектора символической политики? // Политическая наука. 2020. № 2. С. 143–162.

Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 462 с.

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 206 с.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

Hall S. Encoding and decoding in the television discourse. Birmingham: Centre for Contemporary Cultural Studies, 1973.

РЫЛКИН Григорий Григорьевич – приглашённый преподаватель Школы коммуникаций НИУ ВШЭ (г. Москва).